

Лица Селебрити

**Я знаю –
ТЫ ВСПОМНИШЬ!**

УДК 82-3
ББК 84-4
С29

Селебрити Л.

С29 Я знаю – ты вспомнишь! / Лика Селебрити. – М.: Литнет, 2026. – 192 с.

ISBN 978-5-521-94125-4

Анжелика – красивая девушка, талантливый кардиохирург. Максим – успешный, харизматичный бизнесмен. Их встреча случайна, но, между ними, мгновенно вспыхивает страсть – любовь с первого взгляда, непреодолимая химия! Их чувства стремительно развиваются и вот уже свадьба кажется неизбежной. Но, в самый счастливый момент, судьба наносит жестокий удар!

Смогут ли они пойти наперекор и возродить любовь?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94125-4

© Литнет, 2026

© Селебрити Л., 2026

Глава 1

– Всё, закончили. – я накладываю последний шов и отхожу от операционного стола, предоставляя возможность ассистирующему персоналу привести пациентку в порядок.

Пройдя в душевую, устало раздеваюсь, снимая с себя перчатки, шапочку, маску, бахилы и халат. Включаю воду, выворачивая вентили до упора. Мне нужно как можно скорее смыть с себя напряжение после сложнейшей операции, которая длилась шесть часов подряд и почти обессилила меня. Вода приносит мгновенное расслабление, и я прикрываю глаза, впитывая в себя освежающую влагу. Подняв голову, даю струям воды массировать мне глаза, в которые как будто кто-то насыпал острого мелкого стекла. Перед внутренним взором проносятся кадры, в которых девчушка, пяти лет, лежит передо мной на белой простыне и смотрит своими огромными карими глазищами. В них одновременно плещутся страх и доверие.

– А я пойду с мамой и папой в Луна-парк, когда поправлюсь? – спрашивает она перед тем, как анестезиолог дает ей наркоз.

– Конечно, солнышко, обязательно! – я улыбаюсь ей и именно это она видит, закрывая глазки.

Вот уже четыре года я работаю кардиохирургом в своем небольшом городе. Мне приходит множество предложений из крупных городов и даже заграницы, но я не могу отсюда уехать. Здесь покоятся самые дорогие мне люди: мама и папа, погибшие в автокатастрофе, которая и определила мою дальнейшую работу. В ту роковую ночь водитель грузовика уснул за рулём, и многотонная неуправляемая громадина выехала на встречную полосу, где в это время мои родители возвращались домой, торопясь увидеть меня. Папа умер мгновенно, а вот маму можно было спасти, если бы в нашем городе, в медицинском штате, находился хоть один хирург, специализирующийся на операциях с сердцем! Но в наших больницах та-

ких врачей не было и приняли решение отправить маму вертолетом в областную клинику. До перелёта она не дожила. Я в это время заканчивала интернатуру и как раз должна была определяться с узкой специализацией. И моим решением стало выбрать кардиохирургию. Пусть я уже никогда не помогу маме, но смогу спасти жизни людям, которые будут нуждаться в таком специалисте, как я! Закончила с красным дипломом медицинский институт в столице и вернулась в свой город, где устроилась в самую крупную больницу. Главный врач, Михаил Геннадьевич, долго не мог поверить в серьёзность моего решения, но мне удалось убедить его, что это осознанно и никакие предложения, как бы заманчиво они не звучали, мне будут не интересны. Вот так я и влилась в большой коллектив. Нагрузка сразу была не маленькой, так как с такими операциями отправляли в областной центр и очереди на них растягивались на несколько месяцев. Моё появление давало возможность не потерять это время, и я отдавала себе отчёт о всей ответственности, которую на себя взяла, но это только укрепило мою решимость! После нескольких проведённых операций стало понятно, что я из себя представляю и Михаил Геннадьевич не уставал говорить, что я – бриллиант его больницы. Постепенно обо мне узнавали и начали приезжать пациенты из других городов. Я оперировала взрослых людей, но Марика, девчушка с большими карими глазами, стала моей первой маленькой пациенткой. Её родители, Павел и Кира, привезли дочку из другого города и сказали, что доверят свою девочку только мне. Её диагноз – открытый артериальный проток – не оставлял другой альтернативы, кроме операции. Для меня это было очень трудное решение, и я пробовала на собеседовании донести до родителей девчушки серьёзность ситуации, но в их глазах видела решимость и постепенно сама прониклась их уверенностью. Когда привели Марику, то я прям залюбовалась этой крошкой. Волосы, тёмные, как горький шоколад, небрежными волнами спускались ниже поясницы, огромные влажные карие глазки, пухлые алые губки бан-

тиком – всё это приковывало взгляд и вызывало восхищение и желание обнять, защитить эту красоту, не дать причинить ей вред! Даже бледность её личика и небольшая синюшность носогубного треугольника не портили это великолепие.

– Привет, солнышко! – улыбнувшись, я присела перед ней и взяла её маленькие ручки в свои.

– Привет. – она подняла свои невероятные глазки, опущённые длиннющими, загнутыми ресницами и доверчиво посмотрела на меня.

– А я смогу пойти с мамой и папой в Луна-парк, когда ты меня вылечишь? – Конечно, солнышко! – я подняла взгляд на её родителей, которые смотрели на неё с таким умилением и гордостью, что сердце зашлось в мгновенной тоске из-за воспоминаний о том, что также на меня смотрели всегда мои родители. И в этот миг решение о положительном ответе укоренилось во мне. Я вдруг поняла, что это будет правильно.

– Вам нужно будет привезти согласие от областной комиссии. – этим самым я дала им понять, что беру их дочурку на операцию.

Глава 2

Я вынырнула из воспоминаний и взяв свой любимый шампунь–гель со вкусом клубники со сливками, быстро помылась. Мне ещё нужно написать отчёт о проведённой операции, который отправится в ту же областную комиссию, что дала мне положительный ответ. Впереди ещё период выздоровления, но уже то, что операцию Марика перенесла отлично, отметало сомнения в положительном результате.

Одев чистый халат, я скрутила свои волосы в жгут и заколола их на затылке. Выйдя из ординаторской, я прошла в VIP-палату, где находилась моя маленькая пациентка. Всё было оплачено сразу и, плюсом, в бюджет нашей больницы, поступила немалая сумма от родителей девочки, давая понять, что люди они не бедные и со связями. Как сказал Михаил Геннадьевич, сумма за операцию была предложена именно ими и номиналом не уступала платным клиникам столицы. Но для меня это было всё фоном. На первом месте стояло здоровье Марики. Зайдя в палату, я сразу увидела её маму и папу, которые с двух сторон держали дочку за ручки. Она ещё спала, но показатели были в норме и опасность больше не грозила.

– Анжелика Марковна, добрый день! Позвольте выразить Вам свою безмерную благодарность! – отец девочки порывисто поднялся и подошёл ко мне, протянув руку, которую я пожала.

Кира же проявила свою признательность более ярким образом: она просто обняла меня крепко-крепко и тихо заплакала. Я легонько поглаживала её по спине, давая время успокоиться. Я прекрасно понимала, что не смотря на доверие ко мне, страх за ребёнка грыз её сердце острыми клыками. Это было сильнее её.

– Михаил Геннадьевич уже заходил и сказал, что лучше никто бы не смог провести операцию! – она прерывисто вздохнула и снова прижалась ко мне. – Я перед Вами в неоплатном долгу!

– Что Вы, это моя работа. – я улыбнулась ей открыто и успокаивающе. – Теперь Марика сможет жить полноценной жизнью и это для меня высшая награда. Большого не нужно.

Павел, обняв жену, серьёзно на меня посмотрел и сказал:

– Если Вам что-то понадобится, не важно, сколько времени пройдёт, только дайте знать!

– Я бы хотела иметь возможность наблюдать за Марикой. Если Вам будет не сложно, периодически, информируйте меня о её состоянии.

Я была очень тронута безмерной благодарностью этих людей. И чувствовала, что это не обычное проявление вежливости, а намного большее. – Конечно! Можете даже приезжать сами, мы будем ждать Вас всегда! – Кира светло улыбнулась мне.

Покинув палату, я прошла в ординаторскую, чтобы сесть за отчёт, но не успела включить компьютер, как зашёл главврач. Подтянутый, импозантный мужчина, выглядевший на отлично для своих пятидесяти семи лет. Серо-зеленые умные глаза, казалось, сканируют, когда он смотрит на собеседника и от них ничего не скроешь. Губы, чётко очерченные, в уголках поднимались вверх и создавалось впечатление, что он всегда улыбается. Волосы темно-русого цвета, тронутые серебром на висках, были подстрижены под полубокс, что очень ему шло. Его любил и уважал весь коллектив нашей больницы. Благодаря Михаилу Геннадьевичу, мы имели самое усовершенствованное оборудование, начиная от санузлов и заканчивая операционными. Это был человек и профессионал с большой буквы и для меня было неоценимо, когда в его глазах я читала гордость и восхищение моими способностями. Мне с ним всегда было спокойно и уютно. Узнав мою историю, он взял меня под свою опеку и заменил мне отца. С Михаилом Геннадьевичем я могла говорить обо всём, что меня радовало и тревожило. Он всегда был открыт для меня. Как бы ни был загружен, откладывал всё, если видел, что мне нужно его общество. Поэтому, думаю, не нужно говорить, как сильно я его любила и ценила.

– Привет, Ликунь. – по-отечески поцеловав меня в лоб, присел в кресло, стоящее напротив моего стола.

– Устала? – добрые глаза всматривались в моё лицо. Заметив тёмные круги под глазами, встревоженно нахмурил кустистые брови. – Может, всё-таки домой поедешь, отдохнешь? Отчёт подождёт. Ты же огромную работу проделала! – ласково провёл своей большой рукой по моим волосам.

– Я же знаю, что тебя будут трясти с этим отчётом. В областной комиссии уже в курсе, что операция закончилась, так ведь? – я нежно беру его руки в свои и слегка поглаживаю.

– А как же! Позвонили, как только ты вышла из операционной. Дали мне лично указание провести осмотр пациентки в палате, доложить о результатах и прислать видео самой операции. Дед Марики очень большая шишка в области. – пояснил он, увидев мои брови «домиком».

– Ооо. Вот даже как! Ну мы в грязь лицом не ударили. Пусть знают, что в нашей глубинке ещё не всё потеряно! – усмехнулась я. Михаил Геннадьевич довольно рассмеялся, явно поддерживая мой лозунг. Он хотел ещё что-то сказать, но его голова повернулась в сторону двери, по коридору к которой приближался дробный стук каблучков. – А я всё думал, когда же появится эта егоза.

Глава 3

Одновременно с этими словами в ординаторскую почти забежала платиновая блондинка с фигурой, копирующей стан гитары и бесконечно длинными ногами. С овального лица смотрели ярко-зеленые, с лисьим разрезом, глаза. Идеальной формы брови, губы цвета спелой вишни, ямочки на щеках. Это убойное сочетание, разящее наповал мужчин всех возрастов, принадлежало психологу нашей клиники, моей самой близкой подруге, Карине Мусиной. Как ни странно, но наша дружба началась ещё в садике, где более высокая, чем я, девчушка, всегда отгоняла от меня распалившихся мальчишек, грозящих смести всех на своём пути. Её авторитет, похоже, достался ей в наследство вместе с геном красоты. Она была рождена повелевать мужчинами! Наша прочность на дружбу прошла проверку во втором классе, когда у Карины появился маленький братишка и семья переехала из нашего района в свой дом почти на другой конец города. Моя подруга прям отвоевала право ходить в школу, в которой мы начали учиться. Мои родители считали её своей второй дочерью. Мама гордилась успехами подруги как моими собственными, поощряла её увлечение рисованием. Именно мой папа буквально вырвал Карину из рук нашего школьного короля, мажора Андрея Зимина, когда после выпускного бала он надумал силой увести девушку. Мало кто понимал наши отношения, потому что не верили, что женская дружба может быть долгой. Находились и такие, кто утверждал, что я не найду себе парня, потому что все они будут падать к длинным ногам Карины. Вот только для нас все эти пересуды были пустыми словами, потому что, не смотря на модельную внешность, Карина была справедливым и чутким человеком, умеющим понимать, выслушивать людей, при этом не думая о своей собственной выгоде. Таких, как она, практически не встретишь в нашем эгоистичном, погрязшем в своих проблемах

и интересах, обществе. Карина Мусина была как чистый горный родник, вода которого освежает и очищает. К ней всегда тянулись люди, а она никогда никого не отталкивала, умела дать им понять, что они не одиноки со своими бедами. Я думаю, что и профессия, которую она выбрала, была заложена в её генах.

– Клубничка моя сладкая, как ты себя чувствуешь?

Она называла меня так из-за моего пристрастия к этой ягоде. Я любила и предпочитала всё с клубникой, начиная от еды и заканчивая средствами личной гигиены. Это был мой личный пунктик. У каждого свои «тараканы» в голове. Вот мои были фруктовыми. Я отодвинула компьютерную мышку от края стола, зная, что подруга приземлится своей аппетитной попой прямо на это место. Она всегда так делала и, как мне кажется, эта привычка стала безусловным рефлексом – вижу стол – иду на посадку пятой точкой. Потянувшись к Михаилу Геннадьевичу, Карина чмокнула его в щеку. Потом и я утонула в её любящих объятиях. В руках она держала папку с историей болезни Марики.

– Смотрю, ты тоже навестила нашу красотку? – я кивком головы указала на бумаги.

– Очаровательная малышка! Когда я вошла в палату, она уже проснулась. И первый вопрос был, знаешь какой? Где тётя Ангел? Похоже, что ты теперь стала ангелом-хранителем этого чуда! – заливисто рассмеялась подруга. – Ты не увидела у неё никаких признаков постоперационного стресса? – с тревогой спросила я.

– Абсолютно ничего! Адекватна, открыта для контакта, стабильна психологически. Думаю, что её реабилитация будет идти семимильными шагами. – вылила «бальзам» на мою душу Карина.

– Но ведь никто и не сомневался в таком прогнозе. – главный врач вынес свой вердикт. – У Лики светлый ум и лёгкая рука.

– Спасибо огромное! Что бы я без вас делала! – я пошире раскрыла глаза, чтобы не дать пролиться слезам благодарности. Михаил Геннадьевич начинал сразу подтрунивать надо мной, что боло-